

"Ленинградская правда"
12 марта 1968?

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ

АКТЕР И ВРЕМЯ

интеллекта, движение мысли и познание — действительно — естественная норма существования». В многолетней работе над образом Владимира Ильича Честноков как бы синтезировал свой опыт в самых разнообразных ролях, но в наибольшей степени

ЛИТЕРАТУРНЫЙ портрет актера — жанр трудный и ответственный. Он особенно труден потому, что созданное актером живет, как известно, только в человеческой памяти. Между тем именно оно должно оживать в портрете и помогать нам понять не только самого актера, но и прожитое им время. «Художник прежде всего очевидец своего времени», — заметил французский актер Жан-Луи Барро, объясняя свое восхищение Чеховым. «Очевидец своего времени» — это, вероятно, следовало бы сказать и о каждом крупном актере, нашедшем путь и к человеческой и к исторической правде, к той великой правде своей эпохи, которая дает силу даже ушедшим со сцены актерским созданиям жить в памяти поколений. Среди таких актеров, наших современников, видное место принадлежит В. И. Честнокову, о котором написала свою небольшую, но умную и содержательную книгу В. Иванова.

Наиболее примечательна в искусстве Честнокова его особая по своему характеру интеллектуальность. Интеллектуальность, которая ни в какой степени не противостоит требованиям эмоциональной заразительности, лиризму, одухотворенности. Это особенно важно отметить потому, что нередко изображение мыслящего человека на сцене, человека в процессе его напряженных раздумий, приводит к обеднению его эмоционального склада. Гармоническое слияние мысли и чувства в образах, создаваемых Честноковым, справедливо отмечается в книге как свойство принципиально важное, во многом общее для всего советского актерского искусства.

Привлекательно в этой книге стремление не только восстановить в памяти читателя пройденный Честноковым большой артистический путь. Одобрения заслуживает не только описание, лаконичное и в большинстве случаев точное, ролей, сыгранных актером в разные периоды его жизни. Не менее важно и то, что работы Честнокова осмысливаются автором в контексте времени, в прямой и естественной связи с ним, я бы сказал, в соответствии с законами времени, его неповторимой идейно-нравственной атмосферой.

Историзм также необходим при анализе творческой биографии актера, как и при анализе любого, отдельно взятого художественного явления. Развиваясь, совершенствуясь и, естественно, меняясь на протяжении своего артистического пути, Честноков остается верен своей единой творческой теме. На страницах книги выявляется своеобразие и обаяние актера, характеризуются его великолепное мастерство, его артистическая личность, которая, как личность всякого живого и тонко чувствующего художника, не может не испытывать на себе влияния времени.

Честнокову посчастливилось вступить на сценические подмостки в ту самую пору, когда рождалась новая советская драматургия, когда формировался новый сценический герой, а достигнув творческой зрелости, создать целую актерскую Лениниану в пьесах Н. Погодина, А. Штейна, В. Михайлова. В книге очерчен путь, которым шел актер к своей зрелости. Не остаются только фразы утверждения Ивановой о том, что «уход от характерности вел к поискам характера», и о том, что Честноков играет Ленина «как человека, для которого работа

к ней привело актера стремление к «гражданственности — высшей форме человечности». «Я хочу, — писал сам Честноков в своем рассказе о работе над образом Ленина, — сыграть самого человеческого человека и показать, что именно потому, что Ильич был самым человеческим человеком, — Ленин стал вождем мирового пролетариата». Эта позиция актера оказалась в высшей степени плодотворной и принесла ему при воплощении ленинского образа самое широкое признание.

Строгость стиля в высокой степени присуща Честнокову и, несмотря на это, Ивановой удается показать богатство его палитры, энергию используемых им выразительных средств. Среди его ролей были и Григорий Незнамов из «Без вины виноватые» и Лантье из «Западни», Сирано де Бержерак и дон Сезар де Базан, секретарь обкома Ларин из «По московскому времени» и Айзенринг из «Бидермана и поджигателей», нэпман Дор из «Двенадцатого часа» и Моцарт из «Моцарта и Сальери». Роли Честнокова сами по себе столь разнолики, что говорить о единой разрабатываемой на протяжении всего артистического пути теме актера практически невозможно.

Но в том то и дело, что творческая тема актера определяется вовсе не сходством воплощенных им характеров, даже не близостью решаемых им психологических задач. Она возникает из самой идейно-художественной позиции актера, из той формы, в которой проявляется его внутренняя активность в трактовке жизненных явлений. Можно говорить об очень разных вещах и притом говорить по-разному, но неизменно проявлять свое собственное и легко узнаваемое отношение к ним. В. Иванова справедливо отмечает, что в честновском Сирано де Бержераке, «во всем его поведении не сквозило ни жертвенности, ни аффектации страдания. Он жил так, а не иначе, потому, что его нравственное существо не могло быть другим», что играя Сафонов из «Русских людей», он не просто открывал и показывал его, а «выращивал, совершенствовал опытом войны на глазах зрительного зала». Герои, воплощаемые актером, отнюдь не должны быть похожи на него самого, но существенные стороны их характеров, неожиданно проступающие их черты должны свидетельствовать о том, что распознаны и открыты они именно данным актером.

Очень интересен в книге анализ образа Алексея Ивановича из «Игрока» Ф. Достоевского. «Трагическое возникало не тогда, когда хороший человек превращался в игрока и по жизненно приковывал себя к рулетке, — пишет В. Иванова. — Трагическое раскрывалось в той бездне непонимания, которая обнаруживалась во время последнего разговора с Астлеем. Трагично было то, как ужасался Алексей Иванович известно о том, что Полина всегда его любила и до сих пор любит. Алексей Иванович — Честноков отшатывался от Астлея, закрываясь протестующими ладонями, он защищался от непереносимой тяжести этой правды. Он уже трагически не способен к человеческому общению. Ему теперь никто не нужен». Образ и в этом случае осмысливается широко и как бы выводится за границы его «сюжета». Такой анализ позволяет автору сочетать современный подход к созданным актером ролям с серьезным историзмом, подводит читателя через рассказ о выдающемся нашем актере к живым идейно-эстетическим проблемам нашего театрального искусства.